

«ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ» ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ УСПЕХОВ УЛЬТРАПРАВЫХ СИЛ В ЕВРОПЕ

.....

С. В. Скороходов*, И. И. Гончаров**

Вторая половина XX в. внесла серьезные изменения в политическую систему ведущих стран Европы. Одной из ключевых причин этого было достижение консенсуса среди большинства граждан стран Запада по основным вопросам общественного развития, т. е. рыночной экономики, высоких социальных гарантий, признания прав человека и т. д. Как следствие, уже в 1970–1980-х гг. это привело к резкому сужению политического пространства справа и слева в сторону центра. Политические кампании начали концентрироваться вокруг дискуссии по узкому кругу порой неполитических проблем. Например, на выборах мэра Лондона дискуссия между «красным Кеном», действующим мэром, представляющим левое крыло лейбористов, и кандидатом от консерваторов шла вокруг необходимости введения десятифунтового налога за проезд через центр Лондона.

Одновременно с этим общество столкнулось с новыми вызовами, ответить на которые существующие политические партии оказались не в силах. Это, прежде всего, проблемы, связанные с глобализацией, евроинтеграцией, а также ростом иммиграции из арабских и африканских стран и т. д.

Естественно, что вскоре это привело к появлению новых политических сил, акцентирующих внимание именно на этих острых вопросах: французский «Национальный фронт» Ле Пена, «Список Фортейна» в Голландии, Австрийская партия свободы Й. Хайдера и др. Программы этих политических сил отличаются от программ традиционных партий, прежде всего резким неприятием процессов глобализации (воспринимаемых ими как унификация культурных образцов), а также инокультурной иммиграции, прежде всего из арабских, африканских и азиатских стран, представляющейся им угрозой не

* Гончаров Иван Иванович – студент 4-го курса отделения политологии факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: f27@bk.ru.

** Скороходов Сергей Валентинович – студент 3-го курса отделения политологии факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: rfaizer@inbox.ru.

только уровню, но и образу жизни европейцев, самой западной демократии. Одновременно с этим часть политиков, политологов, простых граждан видят угрозу демократии как раз в самих ультраправых партиях, в их крайней нетерпимости и особенно в том количестве голосов, которое они получают на выборах.

В этой связи представляется важной разработка моделей, которые позволили бы объяснить причины электоральных успехов ультраправых. За основу нами была выбрана модель «воронки причинности» (the funnel of causality) [8]. Не останавливаясь подробно на описании исходной (об этом см. [7]), напомним, что в «воронку причинности» последовательно встраиваются факторы, оказывающие все более непосредственное влияние на итоговую переменную – электоральный выбор, так что фокус анализа постоянно сужается по мере движения к центру воронки.

Важно подчеркнуть, что набор факторов (независимых переменных), включенных в классическую «воронку причинности», не позволял объяснять поведение избирателей в странах, где отсутствует простой бинарный раскол общества; естественно, в этом наборе отсутствовали те новые факторы, которые стали влиять на электоральный выбор уже к концу XX в.

Поэтому вполне логично, что, например, Е.Ю. Мелешкина и Н. В. Анохина при анализе поведения российского избирателя предложили собственную модель «воронки причинности». Мы же на основе классической мичиганской модели предлагаем схему воронки, которая, с нашей точки зрения, поможет объяснить электоральные успехи ведущих правопопулистских партий Западной Европы. Перед тем как перейти к рассмотрению нашей модели, напомним читателям некоторые эпизоды политического процесса в Европе на рубеже XX и XXI вв. и поговорим о роли в нем европейских ультраправых.

Ультраправые партии в европейском политическом процессе

Одним из наиболее влиятельных ультраправых объединений является Национальный фронт Франции во главе с бессменным Жан Мари Ле Пенем. НФР возник на политической арене в 1970-е гг., и на своих первых президентских выборах в 1974 г. Ле Пен получил лишь 0,7 %. В 1990-е гг. Национальный фронт уже стабильно набирал на парламентских выборах 10–15 % голосов, которые, впрочем, не материализовались в депутатские мандаты, так как французские парламентарии избираются с помощью двухтуровой системы по одномандатным округам. (Для победы в первом туре кандидату нужно набрать более 50 % голосов избирателей, явившихся на участки, что достаточно сложно, а в случае участия кандидата-лепеновца во втором туре против него, как правило, объединяется большинство других кандидатов.)

Максимального успеха французским ультраправым удалось добиться на выборах 2002 г., когда их лидер Жан Мари Ле Пен, набрав около 17 %, занял вто-

рое место в президентской гонке и вышел во второй тур вместе с действующим президентом Жаком Шираком.

В своей программе Национальный фронт акцентирует внимание на необходимости радикального сокращения инокультурной иммиграции, в том числе и за счет репатриации уже имеющих иммигрантов, протекционизма в экономике, поддержки семьи, духовных устоев нации, «национальной преференции» – предпочтении французов при распределении общественных благ, государственных постов и т. д. А лозунг «Франция для французов» стал, фактически, «брендом» Ле Пена (хотя последний и не раз оговаривался, что имеет в виду в первую очередь социокультурную традицию, а не формальную национальную принадлежность).

Сходные идеи выдвигает и Австрийская партия свободы (АПС). На парламентских выборах 1999 г. АПС получила более четверти всех голосов, а ее лидер, Й. Хайдер, стал новым премьер-министром. В отличие от Ле Пена, Й. Хайдер имел солидный опыт управленческой деятельности, являясь к моменту своей победы главой правительства одной из австрийских земель, Каринтии. Будучи незаурядной личностью, Й. Хайдер примечателен еще и тем, что именно с его триумфа в 1999 г. началась волна успехов ультраправых на Европейском континенте. Тогда включение в состав австрийского правительства политиков АПС, которых многие считали, чуть ли не неонацистами, едва не привело к исключению Австрии из Европейского Сообщества, а Израиль даже временно отозвал из Вены своего посла.

Настоящей сенсацией стали и результаты парламентских выборов в Нидерландах, когда блок под незамысловатым названием «Список Фортейна» занял второе место, незначительно уступив лишь правящим либерал-демократам, несмотря на, а может и благодаря гибели своего лидера от рук сумасшедшего фанатика за несколько недель до выборов. Предвыборную кампанию П. Фортейна определяли антиисламские выпады и полемические эскапады против иммиграции. Так, он объявлял, что намеревается выйти из Женевской конвенции о беженцах и ужесточить пограничный контроль, чтобы сократить поток ходатайствующих о предоставлении убежища лиц, которых Фортейн скопом охарактеризовал как экономических беженцев. В марте 2002 г. П. Фортейн, бывший профессор социологии, выиграл коммунальные выборы в одном из крупнейших голландских городов – Роттердаме, набрав там свыше 34 % голосов.

Датская Народная партия во главе с П. Кьерсгард (Kjaersgaard) заняла третье место на последних национальных выборах в ноябре 2001 г., получив 12 % голосов. Предвыборная кампания датских ультраправых была построена на требованиях сокращения инокультурной иммиграции, отождествлении мусульманских иммигрантов с исламским фундаментализмом, утверждении, что ислам не совместим с западной демократией и христианскими основами куль-

туры Старого Света, поскольку он не выступает за терпимость и взаимное уважение, угнетает женщин.

Похожие процессы происходили и с Норвежской Партией прогресса («Fremskrittspartiet») во главе с К. И. Хагеном. Эта политическая сила стоит, прежде всего, на позициях шовинизма. В последние годы партия по нарастающей использовала в политических кампаниях тему национальной идентичности: она обратилась к существующей уже в специфическом североευропейском исполнении идее расового превосходства северных европейцев и предостерегала от демографической угрозы, которую несут с собой мусульманские иммигранты.

Несколько иначе развивался политический процесс в Италии. Ведущее ультраправое объединение Италии «Лига Севера» представляет собой неоднородный конгломерат из различных партий и движений националистической окраски и пользуется популярностью в наиболее экономически развитых провинциях страны, поскольку главная идея «Лиги Севера» – автономизация, вплоть до полного отделения Северной Италии от Южной. Не секрет, что в Италии существуют две субкультуры, сильно различающиеся между собой, да и необходимость северян тратить часть своих денег на содержание южан не вызывает у первых особого энтузиазма. Поэтому, имея около 10 % поддержки в целом по стране, на Севере Италии лигисты собирают втрое больше.

Почему политическая ситуация в Европе сейчас меняется именно так, причем довольно радикальным образом? Чем это объяснить и чего ждать дальше? Мы попробовали ответить на эти и другие вопросы, проанализировав сложившуюся в Старом Свете политическую реальность с помощью предложенной нами модели.

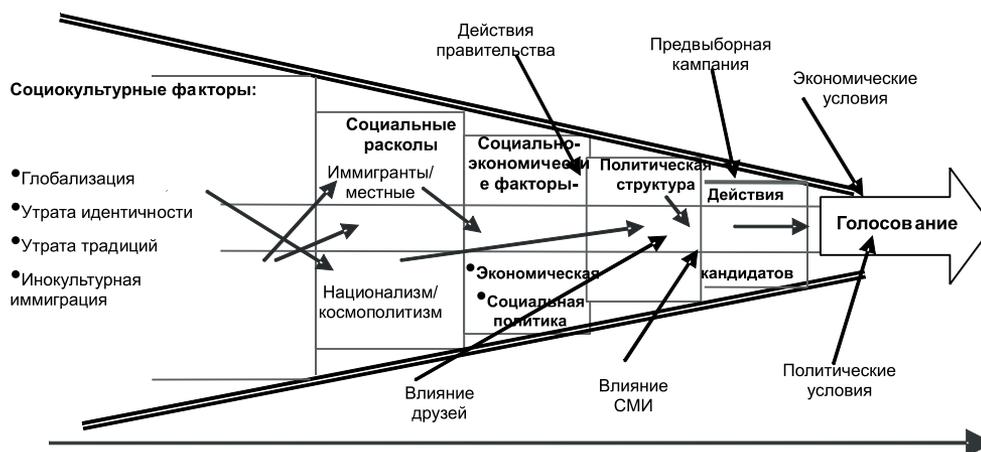
Модель «воронки причинности» для анализа электоральных успехов ультраправых в Европе

Как отмечала Е. Ю. Мелешкина, в любой аналитической модели желательно сочетание универсальности и уникальности [5]. По нашему мнению мичиганская модель может сочетать эти две базовые характеристики: универсальной в «воронке причинности» может быть логика анализа, в то время как набор факторов в зависимости от конкретной ситуации и избранной парадигмы анализа должен меняться. Объектом анализа может быть любое явление или процесс, имеющие более одной причины.

Предложенная модель, в отличие от классической «воронки причинности», имеет пять логических уровней анализа (см. рисунок).

На первом, самом широком уровне «воронки» мы разместили общие социокультурные факторы, обусловившие успехи ультраправых.

Во-первых, не секрет что в условиях все нарастающей культурной интеграции и глобализации многие европейцы обеспокоены реальной возможностью утраты национальной идентичности. Достаточно вспомнить, насколько болез-

ненно они отнеслись к введению единой европейской валюты, когда родные для них кроны, франки и марки, являвшиеся частью национальной культуры стран, сменил космополитичный евро. Как мрачно пошутил один голландский политик, «Тия Уленшпигеля сменил Рональд Макдональд». Изначально континентальная европейская социокультурная традиция, в отличие от англо-американской, складывалась как гетерогенная, и поэтому современные процессы глобализации и интеграции негативно воспринимаются многими европейцами как унификация культурных образцов. Достаточно вспомнить, что в Европе осталось несколько «карликовых» государств (Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Сан-Марино), сохранивших независимость в периоды войн, и они не хотят отказываться от своего уникального культурного наследия ради безликих небоскрёбов и безвкусных гамбургеров. В какой-то степени это подтверждают последние данные социологических опросов свидетельствующих о том, что гражданами объединенной Европы считают себя пока лишь чуть более трети опрошенных европейцев (36 %), тогда как 55 % продолжают настаивать на том, что они – граждане только своей страны [1].

Во-вторых, большинство европейцев обеспокоено всё нарастающим культурным кризисом, порожденным во многом теми же причинами – глобализацией и интеграцией, а также все возрастающей инокультурной иммиграцией. Распад многовековых традиций и устоев в современном обществе, его социальная дифференциация и рационализация всех сфер общества воспринимаются как отрыв от корней и даже утрата смысла жизни. Это ощущение у многих людей усиливается за счет нарастающей мультикультурности, обусловленной иммиграцией, привносящей на новую родину элементы других, порой чуждых, а иногда откровенно враждебных культур. Все это порождает неуверенность многих людей в завтрашнем дне и стремление сберечь любой ценой традиционные ценности.

Программы правых популистских партий построены на подогревании опасений рядовых европейцев по поводу утраты своей национальной идентичности и образа жизни. Поэтому их защита, провозглашаемая ультраправыми

в качестве приоритетных целей, находит отклик в сердцах многих французов, голландцев, итальянцев, швейцарцев. Этот факт во многом объясняет утрату своих позиций теми традиционными партиями, которые стараются плавно обойти эти болезненные проблемы.

На втором уровне мы разместили два ключевых социокультурных раскола, имеющих различные основания и глубину. Поэтому в своем анализе мы решили использовать два ключевых раскола, имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблеме: социокультурный раскол между коренными жителями и иммигрантами и раскол по линии национализм – космополитизм, на наш взгляд, являющийся следствием предыдущего. Анализ первого раскола заключается в выявлении количественного соотношения между коренными жителями и иммигрантами. Он определяет количественную сторону проблемы, затронутой на предыдущем аналитическом уровне – иммиграции. Второй исследуемый нами раскол показывает уровень национальной терпимости в стране, т. е. дает качественную характеристику иммиграции в виде реакции коренного населения на данный процесс. Поэтому можно сделать предположение о существовании связи между этими расколами.

Для поиска и объяснения возможной взаимосвязи между ростом иммиграции и усилением электоральной поддержки оказываемой ультраправым необходимо обратиться к мнению эксперта в области иммиграции Ш. Ангенендта, научного сотрудника и эксперта по вопросам миграции Научно-исследовательского института Германского общества внешней политики. В своей статье «Иммиграция и правый популизм» автор пишет: «если при сопоставлении результатов правых популистов на двух последних национальных выборах и долей иностранцев в составе населения соответствующей страны возникает положительная корреляция этих двух факторов, то должна быть, по всей видимости, заметна взаимосвязь между иммиграцией и правым популизмом. Выясняется, однако, что подобной прямой взаимосвязи не существует. Хотя в отдельных странах с сильными правыми популистскими партиями доля иностранцев в составе населения сравнительно велика, как это наблюдается в Бельгии, Австрии и Швейцарии, в других странах, таких как Дания, Франция, Италия, Норвегия и Португалия дело обстоит иначе. Очевидно, между этими двумя величинами не существует характерной статистической корреляции. Можно было бы еще предположить, что в странах, где правые популисты добились больших успехов на выборах, но доля иностранцев в составе населения невелика, существуют особо сложные проблемы, связанные с иммиграцией. Но это, кажется, также не соответствует действительности. Возможно, это и верно по отношению к Франции, но это, разумеется, не распространяется на Данию и Норвегию. Заостряя формулировку, можно сказать, что правый популизм существует, видимо, и при отсутствии значительной иммиграции, подобно тому, как ксенофобия бывает без иностранцев, а антисемитизм без евреев».

Однако это наталкивает нас на другую взаимосвязь, которая могла бы внести свой вклад в объяснение успехов ультраправых. «Страны, в которых успехи

правых популистов на выборах и доля иностранцев в составе населения особенно сильно рассогласованы, а именно Дания, Франция, Италия и Норвегия, – это те самые страны, где популисты продвинулись особенно далеко вперед в определении своей новой идеологической направленности. Все эти партии выдвинули в последние годы во главу угла своих политических стратегий политику сохранения и укрепления идентичности. Это позволяет предположить, что правые популисты получили голоса избирателей благодаря своей новой стратегии, сфокусированной на политике сохранения и укрепления идентичности» [2].

Таким образом, на основании анализа Ш. Ангенендта мы можем сделать вывод о существовании, пускай и не статистической, но взаимосвязи между выявленными расколами, что в значительной мере раскрывает возможность их дальнейшего исследования как наиболее важных факторов электоральных успехов ультраправых. При этом, на наш взгляд, наличие прямой статистической корреляции между исследуемыми социальными расколами вряд ли сможет стать исчерпывающим объяснением анализируемых процессов связанных прежде всего с трансформациями в политическом сознании европейских избирателей, т. е. с факторами изменения которых трудно посчитать математически.

Перейдем к следующему аналитическому уровню, объясняющему влияние социально-экономических факторов на успехи ультраправых. В современном мире именно экономическая составляющая электорального выбора имеет наиболее весомое значение по сравнению с остальными не политическими факторами, определяющими исход голосования. Так, еще А. Кэмпбелл, автор классической модели «воронки причинности», особое место в ее структуре уделяя экономическим показателям, подчеркивая их важную роль детерминирующую электоральный выбор.

Начинать анализ экономических факторов целесообразно с общей характеристики состояния хозяйства страны. Большинство европейских государств занимают твердое положение в мировом хозяйстве, однако в их политическом дискурсе озвучивается крайняя озабоченность падением конкурентоспособности европейских товаров по сравнению с их более дешевыми, а порой и более высокотехнологичными американскими и азиатскими аналогами, особенно в контексте роста курса евро относительно доллара и других мировых валют. Лозунги о необходимости протекционистской политики во многих европейских государствах поддерживаются возросшими опасениями людей среднего и низшего классов утратить свой сегодняшний статус в условиях обострившегося экономического состязания. Многие ультраправые партии четко уловили изменения настроений потенциальных избирателей и внесли существенные коррективы в свои экономические программы. Они отказались от ультра- и неолиберальных представлений и стали сторонниками протекционистской политики, обещающей защитить граждан страны от угроз экономической глобализации. Этот поворот четко прослеживается на примере французского Национального фронта. Партия начала свою деятельность в 1970-е гг. прежде

всего с экономической концепции, нацеленной на приватизацию государственных предприятий и снижение налогов. Ее реализация должна была привести к построению «народного капитализма». Отказ от этой концепции происходил поэтапно до середины 1990-х гг., когда вместо них во главу угла была выдвинута защита французской экономики от международной конкуренции [3].

Похожий процесс происходил в Австрийской партии свободы. Как и Ле Пен, Йорг Хайдер пропагандировал в 1980-х гг. радикально-либеральный экономический курс, возлагая ответственность за тяжелый экономический кризис после открытия границ с Восточной Европой на мнимые заторы в реформировании австрийской политической системы, существовавшие на протяжении многих десятилетий. «Первоначально программа была направлена преимущественно на ориентированных на подъем представителей среднего класса, которых следовало избавить от “опеки со стороны государства”. В 1990-е гг. партийное руководство требовало вместо этого принять протекционистские меры, используя аргумент о защите интересов австрийских наемных работников от нечестной конкуренции извне» [3].

Помимо перечисленных чисто экономических опасений у многих европейцев растет возмущение социальной политикой, проводимой их правительствами. Так, во многих странах существует система материальной помощи иммигрантам, которая оказывается за счет бюджета, т. е. за счет работающих и платящих налоги граждан. Это еще одна причина, способствующая привлечению на сторону ультраправых электората других партий, в том числе и социально-демократической ориентации. Анализ социально-экономических факторов опять выводит нас на их закономерные связи с исходными культурными противоречиями, затронутыми в начале исследования.

Далее мы переходим к следующему уровню нашей «воронки». Это наиболее важный и в то же время наиболее противоречивый уровень. В политическом плане все рассматриваемые нами государства представляют собой стабильные демократии с отлаженными механизмами социального взаимодействия. Однако и в этих, по нашим меркам, совершенных политических системах существуют серьезные проблемы, способствующие успехам правых популистов. Во-первых, по мнению некоторых западных аналитиков, причины побед ультраправых кроются в самой политической системе этих государств. Так, словенский философ и психоаналитик С. Жижек пишет, что демократические системы западных стран являются видимостью выбора, которого по существу нет. «Оба полюса этой системы сходятся в своей экономической политике (вспомним недавнее возвышение Клинтона и Блэра): строгая фискальная политика является основным принципом современных левых. Строгая фискальная политика поддерживает экономический рост, и этот рост позволяет нам более активно проводить социальную политику, улучшая социальную защиту, вкладывая средства в образование, здравоохранение. Этот политический выбор – социал-демократов или христианских демократов в Германии, демократов или республиканцев в США и т. д. – не может не напоминать нам о том

затруднительном положении, в котором мы оказываемся, когда в супермаркете выбираем между «Pepsi» и «Coca Cola». Этот смехотворный выбор между различными наклейками только подчеркивает абсолютную бессмысленность альтернативы.

Или еще пример: хорошо известно, что в большинстве лифтов кнопка «Закрыть двери» полностью дисфункциональна, ее устанавливают в лифте только для того, чтобы создать у человека ощущение того, что он может ускорить движение лифта, если нажмет на эту кнопку. Но двери закрываются и без нажатия кнопки «Закрыть двери»: когда мы нажимаем кнопку нужного этажа, двери лифта закрываются сами и начинается движение. Этот предельный случай ложного участия является подходящей метафорой для сделанного С. Жижекком описания участия индивидов в нашем «постмодернистском» политическом процессе [4]. Поэтому единственной политической силой, все еще способной дать отпор являются, по мнению С. Жижека, новые правые популисты – Й. Хайдер в Австрии, Ле Пен во Франции, республиканцы в Германии, П. Бьюкенен в США.

Мы сочли, что доводы С. Жижека в принципе достаточно объективно отражают политико-психологические мотивы, заставляющие электорат голосовать именно за правых популистов.

Следующая проблема данного уровня анализа связана с процессами интеграции в рамках ЕС. Они привели к возникновению у части европейцев ощущения «растворения» нации в «большой Европе» и неспособности государства обеспечить требуемую защиту. Правые популисты лишь умело уловили эти настроения, вследствие чего в большинстве их программ содержатся призывы к воссозданию национального государства, способного защитить интересы народа и гарантировать его безопасность.

Итак, мы переходим к последнему уровню нашего анализа – исследованию индивидуальных, личностных политико-психологических факторов, т. е. непосредственных действий кандидатов как в рамках избирательных компаний, так и вне их.

Здесь явно прослеживается тенденция к поиску харизматического лидера, способного стать альтернативой безликим традиционным политикам. Вследствие этого на последних европейских выборах особый успех имели правые популистские лидеры, личности которых и олицетворяли собой ту долгожданную альтернативу.

В разработанной нами модели, как и в классической «воронке причинности», мы полагаем необходимым учесть влияние на исход голосования экзогенных факторов: ведение избирательной кампании, влияние друзей и знакомых, а также экономическую и политическую конъюнктуру. «Не оказывая определяющего влияния на выбор избирателя, они могут служить своего рода “возмущающими” импульсами в краткосрочной перспективе» [6].

На наш взгляд, представленная модель «воронки причинности», помимо текущего и ретроспективного анализа, обладает возможностью прогноза, особенно в краткосрочной перспективе. Так, присутствие представленных в «воронке» факторов в будущем и отсутствие попыток со стороны «традиционных» политических сил решения указанных проблем будет способствовать росту популярности ультраправых в Европе. Выпадение из схемы старых факторов или добавление новых будет влиять на рост или падение поддержки, оказываемой ультраправым. Из этого можно сделать вывод, что представленная нами модель может помочь традиционным политическим силам выявить наиболее слабые места своих программ, чтобы в будущем уверенно противостоять рвану праворадикальных сил в Европе.

Итак, сделаем краткие выводы о предложенной модели. С первого взгляда может показаться, что она представляет просто перечисление общеизвестных фактов, влияние которых на конечный результат можно было бы проследить и вне данной методологии. Однако это не совсем так. Главная методологическая задача «воронки причинности» состоит не только в выявлении, но и в систематизации факторов, детерминирующих какой-либо конечный результат. Таким образом, имея на руках разрозненный набор фактов, с помощью «воронки причинности» можно построить логическую схему их взаимосвязи. Располагая факторы в определенной последовательности в зависимости от степени влияния на конечный результат или по степени значимости (масштабности), мы получаем возможность рассмотреть исследуемое явление в целостности его взаимосвязей. На наш взгляд, при построении логической схемы взаимосвязи факторов необходимо отказаться от жесткой причинной обусловленности одних явлений другими, так как это затрудняет не только ранжирование факторов в модели, но и порой приводит к преднамеренному искажению исследователем реальности, т. е. к поиску причинной связи даже там, где ее на самом деле нет. Последнее обстоятельство служит одним из главных доводов критиков модели «воронки причинности» при обосновании ее когнитивной несостоятельности. При построении модели приоритетным должно стать ранжирование факторов по степени взаимосвязи с конечной независимой переменной, а не по наличию внутренних причинных взаимосвязей между самими факторами. Это поможет в определенной степени сгладить главный «врожденный» недостаток модели – ее векторность. «Она учитывает реальную множественность причинных детерминаций, но делает это как бы однонаправленно. В то время как реальные причинные связи очень часто бывают разнонаправленными, даже обратными. При использовании “воронки причинности” это важное методологическое обстоятельство ускользает из поля зрения» [6].

Будучи ограниченной, эта модель, на наш взгляд, в принципе оказалась способной справиться с главной возложенной на нее задачей – выявить, систематизировать и объяснить причины электоральных успехов ультраправых популистских партий в Европе.

Библиографический список

1. *Амелина Я.* Россия изучает Европу – и делает выводы // [http://www.rosbalt.ru / 2004 /02/05/142530.html](http://www.rosbalt.ru/2004/02/05/142530.html).
2. *Ангенендт Ш.* Иммиграция и правый популизм // *Международная политика.* 2003. № 2.
3. *Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.* Итоги голосования и электоральное поведение. М., 2002.
4. *Жижек С.* Почему мы любим ненавидеть Хайдера? // [http://www.ruthenia.ru/logos /kofr/2002/2001_06.htm](http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_06.htm).
5. *Мелешкина Е. Ю.* «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // *Полис.* 2002. № 5.
6. *Мелешкина Е.Ю.* Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // *Зарубежная политология в XX столетии /* Ред. М.В. Ильин. М., 2001.
7. *Мельвиль А.Ю.* Доклады. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты / Моск. обществ. науч. фонд. М., 1999.
8. *Campbell A., Converse Ph., Miller W., Stokes D.* *The American Voter.* N.Y.: Wiley, 1960.